Р. В. Бахтурина

ЮЖНОРУССКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В ПАМЯТНИКЕ XVI ВЕКА «НАЗИРАТЕЛЬ»
(К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА)

Единственный известный список памятника (ГИМ Собрание Барсова № 371) по палеографическим данным тождествен московским рукописям последней четверти XVI века. Памятник переводной. Многочисленные полонизмы и полонизированный облик латинизмов указывают на его польский оригинал, что было подтверждено текстологически[1]. Через польский перевод сочинение это восходит к латинскому тексту произведения итальянского автора начала XIV века Петра Кресценция «Opus ruralium commodorum» (первое латинское издание – 1471 г. в Аугсбурге).

Название книги пространно: **Книга глаголемаꙗ назиратель сирѣчь ꙋрѧд домовных дѣтель. в' неи ж сꙋть дванадесят книгъ, ꙗже ѡ всяких домовных вещех дѣла ѡписꙋютъ. многиѧ бо дѣла к домовномꙋ совершению сꙋть пристоѧщеи. бес которыхъ дѣлъ домъ быти не можетъ. и иже совершенно домом зватисѧ может, ꙗко же воды ради прꙋды и кладези. и хлѣба ради нивы и села, ѡвощиꙗ ж и зелиꙗ ради ѡгороды і исады. та же и ѡ вѣтрах члкꙋ полезнеиших. о всѣх же сихъ сиѧ книга совершенно ѧвляетъ, как что, и въ кое времѧ дѣлати.**

Русский текст содержит перевод первых трех книг из двенадцати. В них рассказывается, как выбрать место для строительства сельского дома, где рыть колодцы, как найти родники и устроить водохранилище, о садоводстве и выращивании самых разных деревьев, о подготовке почвы для пашни и сельскохозяйственных работ, об определении плодородия почвы, о речных запрудах, о злаках и огородных культурах, о полезных травах. Принимая во внимание светский характер памятника, новизну его содержания по сравнению с другими рукописными книгами того времени, даже по сравнению с известным «Домостроем», можно оценить своевременность его издания. Памятник был сразу же введен в научный оборот, его лексика нашла полное отражение в историческом

словаре русского языка. Вместе с тем неоднородность лексики, большое количество заимствований (латинских, польских, польско-украинских) вызывает много вопросов и разные мнения об оригинале перевода, что связано отчасти с определенной оценкой заимствованной лексики, данной во введении к изданию памятника. Поскольку прямых данных о месте перевода и об участии русских переводчиков в этой работе ни в самом памятнике, ни в других источниках мы не находим, только в самом языке «Назирателя» можно попытаться найти подтверждение нашему мнению, которое отличается от утверждений, высказанных во Введении к изданию памятника.

Там было поддержано предположение К. В. Покровского, сделанное еще в самом начале XX в., на основании ряда отмеченных им в памятнике заимствованных слов, о юго-западном посредстве между «Назирателем» и его иноязычным (по предположению этого ученого, латинским) оригиналом. Заимствованная польская лексика во Введении к изданию памятника была определена и как оставшиеся следы польского оригинала, и как следы староукраинского языка:

«На наш взгляд, польский перевод трактата Кресценция и является тем промежуточным звеном, которого по мнению Покровского, недоставало между "Назирателем" и его латинским оригиналом. Между польским переводом и рукописью "Назиратель", по-видимому, было тоже промежуточное звено: перевод с польского на русский язык или оригинал русского перевода, который либо был занесен в Московское государство из юго-западной Руси, либо был сделан в другом месте, например в Москве, переводчиком юго-западного происхождения. Одним из списков этого перевода может быть и первым, и является рукопись "Назиратель"»[2].

Основанием для такого заключения кроме предположения К. В. Покровского послужило то, что Л. Л. Гумецкая, которая консультировала это издание, отметила в «Назирателе» юго-западные лексические элементы, которые она считает элементами староукраинского языка (**слиская, ѿвираючи, ꙁернета, въ степло, съѡранїю, лꙋка, не ꙁостает, роꙁдертиѡ, срꙋбꙋвание, мꙋравли, натща срдце**)[3]. Л. Л. Гумецкая называет Юго-Западной Русью украинские земли, входившие в XVI веке в состав Польши и частично принадлежавшие Великому княжеству Литовскому (с 1569 г. Юго-Западная Русь стала частью Речи Посполитой):

«В XIV–XV вв. в юго-западной части восточнославянской территории... формируется на древнерусской основе, под значительным, однако, западнославянским – чешским и польским – влиянием, общий украинско-белорусский письменно-литературный язык. Его образованию содействовали и исторические события – объединение в Литовско-Русском государстве белорусских и значительной части украинских земель с Волынью, которая среди вошедших в состав Великого княжества Литовского русских земель отличалась наиболее высокой культурой и которой Великое княжество Литовское было обязано значительной частью своей интеллектуальной элиты. Самой тесной была связь этих земель с украинскими землями, вошедшими в состав Польской Короны, формально другого государственного организма, связанного, однако, персональной унией с Великим княжеством Литовским. Для возникновения общего украинско-белорусского письменно-литературного языка имела значение и генетическая близость украинского и белорусского языков».

Прежде всего обращает на себя внимание парадоксальность предполагаемого появления русского оригинала на территории, входящей в состав Польской Короны, где государственным языком был польский язык. Польский текст на этой земле не мог быть непонятным. Трудно вообразить и читателей, для которых мог бы быть сделан этот перевод, – чтение такой книги как «Назиратель» требовало достаточно высокого уровня знаний, а потребность в ней могла появиться скорее всего у крупного землевладельца, польская принадлежность или польская ориентация которого бесспорна для того времени.

Далее, отмеченные Л.Л. Гумецкой в «Назирателе» немногочисленные характерные лексические элементы сами по себе не могут указывать на староукраинский язык как язык перевода. Не исключено, что они могли быть лексическими заимствованиями из староукраинского в русский язык XVI в.

Обратимся к другим наблюдениям Л.Л. Гумецкой. Как староукраинская особенность текста ею были отмечены написания отглагольных существительных среднего рода в именительном и винительном падежах единственного числа с окончанием -ꙗ, -ѧ вместо є: переваренниѧ, ѿвареннѧ, высохненнѧ, размноженниꙗ[4]. Однако и эта языковая черта не принадлежала лишь староукраинскому языку. Такое произношение было свойственно и определенным говорам русского языка. На это ука-

зывают современные русские говоры. Именно такое произношение отмечено в русских говорах юго-западной диалектной зоны[5]. Приведем несколько примеров, выписанных нами из материалов, хранящихся в Секторе истории и диалектологии русского языка Института русского языка РАН им. В. В. Виноградова: мо'р' а, по'л' а, въскр' ис' е' н' н' а, γо' р' а, ста' раја пла' т' а (с. Страчево Суземского района, Брянской обл.), здаро'в' ја, пла' т' а (с. Ново-Ямское Брянской обл.), въскр' ис' е' н' ја, пла' т' ја (д. Евдокимовка Комаричского района, Брянской обл.).

Упомянутые пункты находятся вблизи Севска, древнего города бывшего Новгород-Северского княжества, расположенного в самом центре Чернигово-Северских земель, почти два века находившихся в составе Польского государства в тесных контактах с Украиной. Эти земли отошли к Русскому государству по договору 1503 г., подтвержденному в 1508 г. В таких условиях в языке жителей этих мест вполне уместны были польские и украинские лексические заимствования. И если предположения о переводчике «Назирателя» могут быть сделаны на основании указанных слов и форм, то естественно считать переводчиком этого памятника уроженца из новгород-северских земель, а не переводчика украинского происхождения. Для того есть и другие основания.

В качестве наиболее характерного элемента староукраинского языка, якобы представленного в «Назирателе», Л. Л. Гумецкая первым называет употребление предлога *из* с творительным падежом: **изъ широким дномъ, изъ сухотою земною, изъ собою**[6]. Чаще всего мы встречаем в «Назирателе» предлог *из* в таком употреблении перед словом, начинающимся с *с* или *з*: **ис собою** (7 об. 7, 7 об. 14); **изъ собою** (106 об. 9; 117 6); **изъ стужею** (19 об. 6), **изъ сухотою** (62, 11; 86, 10); **иcсухотою** (63, 8); **изъ сухотою** (86 об. 7); **изъ слнцемъ** (79 об. 9); **изъ стужею** (114 об. 16); **изъ сокомъ** (139, 5); **изъ своим** (150, 11); **изъ солию** (155, 2); **изъ сахаромъ** (191 об. 3); **изъ сѣрою** (194, 3); **изъ свѣжимъ** (200, 5); **изъ земностию** (87, 12); **изъ землею** (96, 10; 130, 5; 192 об. 14); **изъ зубами** (182, 7); дважды *из(ис)* встречается перед *к*: **ис коренем** (122, 12; 131, 16); и по одному разу перед *п* и *ш*: **изъ пнемъ** 66, 5; **изъ широким дномъ** (39 об. 14). Если рассматривать *и* в этом предлоге как протетический гласный, то следует здесь же упомянуть еще два случая появления *и* перед *с*: **исады** (2, 9)[7]; **исадити** (78 об. 11); может быть, **изстиснут** (56, 4) (в польском оригинале zcisna,); **исомшения** (142 об. 7).

При составлении карт Диалектологического атласа русского языка, посвященных протетическим гласным перед начальными сочетаниями сонорных с последующими согласными, было обнаружено, что для юго-западной диалектной зоны «характерны еще некоторые случаи присоединения [и] к началу слова. Сюда относится употребление приставки *из-* и предлогов *из* и *ик* в соответствии с приставкой *с-* и предлогами *с* и *к* литературного языка. Причем в этих случаях появление [и] не ограничено положением 1-го предударного слога перед сочетанием согласных; [ис]пра́вка, на [ис]па́с, [ис]ки́нь, [из] вали́лся, [ис]хова́й, [ис]каза́ть, особенно часто [ис]тру́б и [из] де́лать; [из] де́вками, [из] лу́жкой, [ис] пла́чем, [ис] цыпля́тами, [из] молоды́ми, [из ы]ку́нами, [из] учи́телем; [ик] клёти; [ик] вам, [иг] бе́лой, [ик] молодо́й, [ик] своему́, [ик] одну́й, [ик] анбару и т. п.».

На основании картографирования соответствующих данных (карты были подготовлены Е. Г. Буровой) можно судить, что предлог *ис* перед *с* отмечен преимущественно в районе Стародуба, Новозыбкова, Севска, Рыльска. Картографированы предложно-падежные конструкции: ис сестру́й, ис свои́м, ис свойе́й, ис си́ней, ис сухи́мы, ис свата́мы, ис сте́ръм'и. Там же отмечено употребление предлога *ис* и протетического [и] перед *п* и перед *к*: испле́сть, искрёсть, исказа́л, иски́нь, ис пла́чем, ис пе́чкой, ис па́лкой, ис пе́снями[8].

Более чем в 30 пунктах юго-западной диалектной зоны русского языка Е. Г. Буровой отмечено в соответствии со словом литературного языка *сделать* слово *изделать*. Его встречаем и в «Назирателе»: **на ниве изд̃ѣлан̃ нои** (96 об. 16) (в польском оригинале sprawioney); **изд̃ѣлати бороздꙋ великꙋю чрез̃ средокъ нивы** (113 об. 4) (в польском оригинале vczynić).

Возле Брянска отмечено в соответствии со словом *снова* – *изно́ва*, у Новозыбкова – *изно́у*. В «Назирателе»; **коли прїидет ѡпять изнова** (snowu) **достатокъ или множество мокроты подаєт** (53, 13); **и того дл̃а что изнова** (znowu) **или рождение дѣлаютъ** (121, 11); **а послѣ посѣявши изнова** (znowu). Соответствующее слово польского оригинала совпадает с украинским *знову* 'снова, опять' (Гринченко II, 174)[9]. Как и многие другие лексические элементы польского оригинала, совпадающие с украинскими, это слово не было сохранено в русском переводе.

Несовместим с предположением о староукраинском переводе тот факт, что в «Назирателе» вообще большое количество слов с приставкой *из-* (*ис-*), в украинском языке отсутствующей.

Все украинские соответствия таких слов имеют приставку *з-*: изгнити (30, 10), ср. укр. згнити (Гринченко II, 139), **иꙁгнивши** (63 об. 18); **иꙁдалеча** (103, 2), ср. укр. здалека, здалеку (Гринченко II, 142); **иꙁдержати** (136 об. 14); **иꙁдобыти** (122, 4), ср. укр. здобути (Гринченко II, 145); **иꙁдроблен** (118, 15); **иꙁженыи** (41 об. 16), **ижженыи** (114, 13); **исколотыи** (168 об. 13); **иꙁлежатися** (91 об. 13); **иꙁмерꙁлость** (42 об. 2), ср. укр. змерзлий 'смерзшийся' (Гринченко II, 164); **иꙁмѣняти** (8, 8), ср. укр. зміняти 'изменять' (Гринченко II, 166); **иꙁмякчен** (106, 6), ср. укр. зм'якчити 'смягчить' (Гринченко II, 168); **иꙁнеможеныи** (3 об. 2), ср. укр. знемочи, знемощіти (Гринченко II, 173); **иꙁнꙋтря** (29 об. 9, 60, 1, 135, 1); **иꙁвнꙋтра** (157 об. 10); **иꙁбираныи** (133, 16), ср. укр. збіраний 'собранный' (Гринченко, II, 124); **иꙁблиꙁка** (67, 11), ср. укр. зблизька 'вблизи' (Гринченко, II, 125); **иꙁбывати** (166, 7), ср. укр. збувати 'сбывать, избавляться' (Гринченко, II, 126); **иꙁводити** (109, 3, 146, 14, 157, 7, 160, 9), ср. укр. зводити (Гринченко, II, 134); **иꙁвѣдывати** (71 об. 4), ср. укр. звідувати 'узнавать' (Гринченко, II, 131); **иꙁвѣтрѣти** (196, 11); **иꙁвяти** (201, 1), ср. укр. зв'янути 'завянуть' (Гринченко, II, 136); **иꙁгнилыи** (88 об. 17, 92, 5), ср. укр. згнити (Гринченко, II, 139); **иꙁрастающии** (109 об. 18); **иꙁрастенье** (55 об. 1); **иꙁрастꙋщии** (83, 7); **иꙁрастити** (26 об. 14); **иꙁровнаныи** (104, 15); **иꙁрожатися** (179 об. 2); **иꙁрытыи** (12816); **иꙁсохнꙋти** (93, 6, 172, 8), ср. укр. зсохнути, зсохти (Гринченко, II, 187); **иꙁстиснꙋти** (56, 4); **иꙁстꙋпати** (133, 12); **иꙁсꙋшение** (167 об. 7); **иꙁсыхатися** (156 об. 9); **иꙁсѣкати** (133, 12); **иꙁсѣчения** (69, 3); **иꙁсѣчи** (188, 2); **иꙁсѣченыи** (69, 1); **иꙁсѣчен** (68 об. 18); **иꙁтягати** (132, 1); **иꙁꙋбытчити** (25, 9); **иꙁшествие** (70 об. 6); **испропасти** (118, 17); **истравити** (52 об. 1).

В «Назирателе» много новообразований с приставкой *из-* (в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского они отсутствуют, а в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» представлены по памятникам XVI–XVII вв.; **иꙁлежатися, иꙁмерꙁлость, иꙁнеможеныи, иꙁнꙋтря, иꙁвнꙋтра, иꙁблиꙁка, иꙁвѣтрѣти, иꙁвянꙋти, иꙁрастенье, иꙁрожатися, иꙁстꙋпати, иꙁсыхатися, иꙁꙋбытчити**.

Между тем в украинских лексикографических трудах XVI в. встречаются лишь единичные слова с приставкой *из-*. Так, в «Синониме славенороссной»: «изъбиты, избыты – спасти, избавнтис; изъгиблін – истребленныи». Зато слова с приставкой *з-(с-)* весьма многочисленны: злупеніе, злучаю, злученіе, змазаніе, змаза, змерзаю, змилованіе, змиловуюся, змова, змовляюс, змолочую, змордованный, зморщка, змоцняю,

змоцненіе, змышленіе, змышляю, змешую, змѣцаю, змѣраю, знахожу, знайдуюс, знайденіе, зневажаю, знебачка, зневага, зневаляю, зникаю, знищеніе, знову, зношу, зносиѣ, зныдѣваю, знидѣлый («Синонима славенороссская»); зрозумѣванье, зваджую, зважденье, звадца, незличений, незвалченый, звыкло, зныдѣлость, зныдѣлый, змоц, змоцнене, звитязство, звитяжца, зневоляю, згодливыи, справую, зважаю («Лексис» Лаврентия Зизания)[10]. И в «Назирателе» можно встретить глаголы, единичные наречия и прилагательные с приставкой *з-*: **ѕбиранїе, ѕбирати, ѕбиратися, ѕганяти, ѕгинꙋти, ѕглꙋбока, ѕгнести, ѕдобывати, ѕдобыватися, ѕдобыти, ѕсыпати, ѕсыпатися, ѕсѣлыи, ѕсядатися**. Их можно сопоставить с диалектизмами, отмеченными в начале XX века в русских говорах Стародубского, Мглинского, Суражского и Трубчевского уездов: звыкнуць 'привыкнуть', згатаваць 'приготовить', згодицца 'примириться', 'согласиться', злучаць 'соединять', злябававаць 'облюбовать', змагаць 'одолевать в борьбе', змалку 'с малых лет', змовиць 'сказать', зраньня 'с утра', зьдзець 'снять', зьдзікацца 'издеваться', зьнивечыць 'уничтожить', зьнікнуць 'исчезнуть, пропасть', зьнішчыць 'привести в убожество'[11].

Одно из важных отличий русского языка от украинского – отсутствие чередований гласных в зависимости от закрытости и открытости слога (русск. конь – коня, укр. кінь – коня), важно и то, что в русском языке звуки *и* и *ы* последовательно различаются на письме, а в украинском, где произошло отвердение согласных перед *е* и *и*, письменные памятники отражают это явление. Как правило, списки с украинских оригиналов представляют смешение букв *и* и *ы*, а также в большей или меньшей степени другие явления: мену *в* и *у* перед согласными, *и* вместо ѣ, чередование *о/и* в зависимости от закрытости и открытости слога[12]. Можно указать рукопись, лишь частично восходящую к украинскому списку, в которой черты украинского оригинала все-таки сохраняются, это «Лечебник», переведенный с польского (РГАДА, собр. РГАЛИ, оп. 11, № 176).

«Назирателю» не свойственны черты, характерные для рукописей, восходящих к староукраинским, Хотя могут быть отмечены лексически ограниченные (в двух основах) примеры смешения букв ы и и(і): **диркамн** 4, 4; 77 об. 11; **дир'ки** 5 об. 17; 47, 1; 99, 7; **дирки** 6 об. 3; 49 об. 2; 50 об. 16; 64 об. 3; 127 об. (на поле); **дирѣкъ**140 об. 9; 150, 14; **дири** 39, 15; 39 об. 8; **дирами** 77 об. 13; **дирю** 139 об. 14;150 об. 18; 194, 4; **в дирах** 177, 16; **ꙗдришокъ** 14 об. 17, 44 об. 7; **ꙗдришко** 67, 10, ср.: **ꙗдрышка** 67, 5;

67, 16. По-видимому, в этих написаниях нашло отражение диалектное явление лексического плана. Произношение морфемы *дыр- (дир-)* в слове дыра показательно. Оно было картографировано в «Атласе русских говоров центральных областей к югу от Москвы» (автор карты – А.С. Феоктистова, рукопись хранится в Институте русского языка РАН им. В.В. Виноградова). Произношение [д'ира, д'ир'а] распространено преимущественно в районе Рыльска, Курска, Белгорода, Брянска, Трубчевска, Стародуба, Новозыбкова. Помимо указанных слов можно отметить лишь два аналогичных написания: **Ѿкритаг** (188 об. 2) и **которіи** (24 об. 18).

Последовательно употребляется в памятнике южнорусское слово муравли. По данным ДАРЯ, название муравьев муравли получило распространение в районе Брянска, Севска, Курска, Белгорода (автор карты – Н.А. Липовская). В «Назирателе»: **мѹравлеи** (193 об. 15), **мѹравли** (193 об. 16, 17, 194, 1, 4, 5, 8). Другой вариант – мурави (наносити **мѹравеи с мѹравища** (193 об. 10)) также отмечен в брянских говорах и нашел отражение на карте ДАРЯ. В северных брянских говорах соседствуют тот и другой варианты.

В брянских, курских и орловских говорах повсеместно употребляется и лексический диалектизм волна 'овечья шерсть' (см.: Атлас русских народных говоров к югу от Москвы. Автор карты – А.И. Сологуб. Рукопись хранится в Институте русского языка РАН им. В.В. Виноградова). В «Назирателе»: **волна** (34, 7; 49, 8; 58, 8) наряду с **шерсть** (49, 10), **ширсть** (49, 8).

При решении вопроса о языке первоначального перевода с польского нельзя не принять во внимание замену польских слов, общих с украинскими, на русские и традиционно-книжные. В качестве одной из лексических групп, последовательно представляющих такой перевод, можно указать названия месяцев. В этой группе слов не было искони общеславянской системы. «У многочисленных славянских племен названия лунных месяцев были неодинаковыми и неустойчивыми... они соотносились с явлениями природы и соответствующими им сельскохозяйственными работами, происходившими в разное время на различных славянских землях. С распространением христианства и письменности старые названия месяцев в славянских языках приобретают более определенное значение в одних языках, а в других под воздействием книжной культуры заменяются греко-латинскими»[18]. Так произошло в древнерусском языке. Как отмечают исследователи, «в письменных

памятниках древнерусского языка древние славянские названия месяцев почти не сохранились. При большом количестве греко-латинских названий в картотеке СДР XI–XIV вв. встретилось лишь четыре случая употребления слов – славянских названий месяцев»[14], это слова **грѹдень, листопадъ, проснньць**. Но в украинском языке долгое время не было единой системы названий месяцев – новые греко-латинские названия употреблялись параллельно с древними славянскими, на основе которых в конце XVI века активно формируется современная система украинских названий месяцев: січень, лютий, березень, квітень, травень, липень, серпень, жовтень (паздерик), листопад, грудень[15]. Можно предположить, что на формирование этой системы оказала влияние не только устная традиция, но и польский литературный язык, не воспринявший латинских названий, несмотря на воздействие католической церкви.

«Назиратель» переведен с польского издания 1549 г. во второй половине XVI века. Если бы нашему переводу предшествовал староукраинский перевод, текст «Назирателя» должен был хотя бы частично отразить украинские наименования, почти полностью совпадавшие с польскими. При том, что язык «Назирателя» изобилует полонизмами, в памятнике представлены лишь греко-латинские наименования в соответствии с нормами русского языка. Разнообразные названия месяцев упоминаются по многу раз: **февраль** (10 раз), **март** (14 раз), **апрѣль** (14 раз), **маи** (10 раз), **июнь** (6 раз), **июль** (10 раз), **авгѹст** (9 раз), **сентябрь** (9 раз), **октябрь** (10 раз), **ноябрь** (7 раз), **декабрь** (1 раз), но нельзя указать на совпадение со староукраинскими названиями месяцев[16]: лютый, лютень 'февраль', березень, марець 'март', цвитень 'апрель', травень 'май', червень, червець 'июнь', лыпень 'июль', серпень 'август', жовтень, вересень 'сентябрь', падолыст, паздерик 'октябрь', падолыст, грудень, листопад 'ноябрь', студень, грудень 'декабрь'.

В польском тексте (по изданию 1549 г.):

luthego (21), luthe[g]o (104), luthym (117), lutego (126), luthego (126, 130), lutym (145) lutego (207, 211). Ср.: ст.-укр. лютый.

kwiethnia (82, 104,127, 129, 130), kwietnia (162, 207), w kwiethniu (104, 124), kwietniu (155). Ср.: ст. укр. цвитень.

w czyrwczu (104), czirwcza (128, 129), czyrwcza (155, 160, 208). Ср. ст.-укр. червень, червець.

w lipczu (104), lipcza (129, 155, 162). Ср. ст.-укр. лыпень.

w sirpniu (82 (2 раза), 160), w syrpniu (127), syrpnia (104), sirpnia (143, 154, 207). Ср. ст.-укр. серпень.

wrzesnia (83, 104 (3 раза), 143, 154, 207, 211), wrzesień 154. Ср. ст.-укр. вересень.

pazdziernika (21, 117, 143, 154, 207, 211), w pazdzierniku (117 (2 раза), 145). Ср. ст.-укр. паздерик.

listopad (154), listopada (21, 104, 117, 208), w listopadzie (145). Ср. ст.-укр. листопад.

grudnia (211). Ср. ст.-укр. груденъ.

Предположению о существовавшем промежуточном переводе «Назирателя» противоречат и другие особенности его языка. Показательно, что лексико-семантический диалектизм **жито** (в тексте встречается 11 раз) употребляется в памятнике как общее наименование хлебов и как название ячменя. Эти значения характерны для территории распространения русского языка. Они отсутствуют у этого слова в украинском языке и в украинских диалектах[17].

Все языковые явления, которые могли быть приписаны староукраинскому языку, отмечаются в современных говорах русского языка в районе Новозыбкова, Стародуба, Рыльска, Севска, то есть в бывших стародубских и новгород-северских землях. Это дает основания считать, что перевод «Назирателя» был сделан уроженцем стародубско-северской языковой области в одном из культурных центров Московской Руси. Палеографические приметы единственного списка памятника указывают на Москву[18].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Назиратель / Изд. подгот. В.С. Голышенко, Р.В. Бахтурина, Н.С. Филиппова. М., 1973 (палеографическое описание Н.С. Филипповой, с. 82–102; текстологическое описание В.С. Голышенко, с. 7–74). См. также: *Бахтурина Р.В.* О надстрочных знаках над гласными в «Назирателе» // Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974; *Она же*. Латинизмы в «Назирателе» // Источники по истории русского языка. М., 1976; *Она же*. Названия трав в «Назирателе» // Памятники русского языка. Исследования и тексты. М., 1982; *Она же*. К толкованию наименований полевых культур в «Назирателе» // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982.

[2] Назиратель... С. 72–73, см. также с. 66–69.

[3] Там же. С. 66. Далее см.: *Гумецкая Л.Л.* Из истории становления украинского литературного языка // Исследование по славянской филологии. М., 1974. С. 81–86. См. также: *Гумецкая Л.Л.* Якій з трьох назв західноукраїнської літературної мови XV–XVII ст. – «західноруська», «староукраїнська» і «старобілоруська» – слід віддати перевагу або як ці назви диференціювати у вживанні? // Філологічни збірник (АН УРСР. Укр. комітет славістів). Київ, 1958.

[4] Назиратель... С. 68.

[5] По группировке русских говоров, предложенной К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой (*Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970. С. 96).

[6] Назиратель... С. 67.

[7] В издании **ін сады**, что, по-видимому, следует читать **і нсады**.

[8] Диалектными данными мы обязаны Е.Г. Буровой, за что искренне ей признательны.

[9] *Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка. Т. I–IV. Киев, 1907–1909. Т. II. С. 174.

[10] Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славенороская / Підготовка текстів пам'яток і вступні статті В.В. Німчука. Київ, 1964.

[11] *Расторгуев П.А.* Северско-белорусский говор. Л., 1927. С. 144; Говоры на территории Смоленщины. М., 1960. С. 183.

[12] См.: *Булаховский Л.А.* Фонетичні і морфологічні південнорусизми в староруських пам'ятках XII–XIV століть // Праці Київського державного університету. Гуманітарні науки. Вып. 1. 1954. С. 122–123; *Крестова Л.В., Кузьмина В.Д.* Иоиль Быковский, проповедник, издатель «Истины» и первый владелец рукописи «Слова о полку Игореве» // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 34–35.

[13] *Филин Ф.П.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 80. Л., 1949. С. 114–115.

[14] *Вялкина Л.В.* Славянские названия месяцев // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1970. М., 1972. С. 277.

[15] См.: *Шевчук С.В.* Назви місяців у російській та українській мовах // Культура слова. Республіканський міжвідомчий збірник. Вып. 16. Київ, 1979. С. 32–40; *Вялкина Л.В.* Указ. соч. С. 270, 278.

[16] Приводим наименования месяцев по историческому словарю: *Тимченко Е.* Історичний словник українського язика. Т. I, II. Київ, 1930. См. также работу, указанную выше.

[17] См.: *Бахтурина Р.В.* К толкованию названий полевых культур в «Назирателе».

[18] Как было установлено И.С. Филипповой, выполнившей в издании памятника палеографическое описание рукописи, ее филиграни и вид скорописи подобны тем, которые представлены в книгах Чудова монастыря, Посольского приказа и других московских рукописях (см.: Назиратель... С. 82, 83, 98, 99).